

ДОБРАЧНАЯ ДЕВСТВЕННОСТЬ: КУЛЬТУРНЫЙ КОД ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЕРЕВАНА)

Анна Темкина

Анна Адриановна Темкина. Адрес для переписки: Факультет политических наук и социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. 191028, Россия, Санкт-Петербург, Гагаринская улица, 3. temkina@eu.spb.ru. Я благодарю Елену Здравомыслову, а также двух анонимных рецензентов за критические замечания. Большую помощь в интерпретации данных оказали мои коллеги Нона Шахназарян, Лилит Закарян, Софья Балаян, Армине Мхитарян, Мариам Оганян.

Задачей данной статьи является реконструкция центрального культурного кода гендерного порядка в Армении на основе анализа биографических интервью. Этим кодом (центральной категорией рассказа о сексуальной жизни) выступает сохранение женщинами добрачной девственности. Относительно данного кода я рассматриваю нормативные и отклоняющиеся практики женской добрачной сексуальности, анализ которых позволяет сделать выводы об определенных изменениях гендерного порядка.

Для описания гендерного порядка в позднесоветской (1960–1980-е годы) и современной Армении (1990-е — начало 2000-х годов) я использую понятие «парадигмальный сценарий», под которым понимаю правила, регулирующие гендерные и сексуальные практики мужчин и женщин на протяжении всего жизненного цикла. Дениз Кандийоти вслед за Элизабет Джейнвей (Kandiyoti 1988; Janeway 1980) использует понятие «парадигмы» (принятая модель, образец — Кун 1977) сексуальных практик и идей для исследования гендерных отношений. Елена Здравомылова, опираясь на традицию структуралистского литературоведения, в исследовании сексуального насилия определила культурную парадигму как «устойчивый значимый образец социального взаимодействия, воспроизводящийся при определенной конфигурации контекстов, практик и смысловых кодов» (Здравомылова 2002: 318, см. также Паперно 1996: 8). В данном случае термин

«парадигмальный сценарий» обозначает культурный сценарий сексуальности, задающий основные легитимные образцы сексуальных практик в патриархальном контексте (см. Темкина 2008). Кандийоти полагает, что широко распространенные представления о сексуальности действуют как сексуальная парадигма, устанавливая правила «нормальности» для конкретного пространственно-временного контекста. Во время «нормальной фазы» «классического патриархата» большинство членов сообщества разделяют его принципы, которые являются основой повседневных практик (Kandiyoti 1988: 285–286).

Несмотря на то, что патриархальные общества могут значительно отличаться друг от друга, все они обладают общими чертами. В парадигмальном сценарии нормативные женские роли тесно связаны с выполнением правил сексуального поведения, жестко контролируемого семьей и сообществом. В условиях «классического патриархата» выбор брачного партнера осуществляется родителями, младшее поколение контролируется старшим, женщины — мужчинами (Therborn 2004: 8–9, 105). Женщины ограничиваются в общении, передвижении, возможности получать образование, работать вне дома. Их сексуальная жизнь отождествляется с репродуктивной функцией и контролируется на всех этапах жизненного цикла.

В современной Армении, несмотря на эмансипационные процессы советского и постсоветского времени, парадигмальный сценарий патриархата сохранил свое значение. Он включает поляризацию половозрастных ролей, половозрастную иерархию, главенство мужчины-добытчика в семье, эксклюзивную ответственность женщин за домашнее хозяйство¹, добрачную девственность невесты².

---

1 Важными компонентами гендерного порядка являются воспитание девочек и мальчиков в соответствии с разными предписаниями; ограничение гетеросоциального общения; контроль родителей за брачным поведением детей; необходимость легитимации брака сообществом; запрет для женщин добрачных и внебрачных сексуальных отношений; контроль за гендерным дисплеем женщин, главенство старших женщин в семье и контроль свекрови за поведением невесток, значение родственников и в целом общественного мнения как агентов морального контроля (Бабаян 1999; Гучинова и Шахназарян 2001; Мхитарян 1999; 2006; Карапетян 1958; 1995; Тер-Саркисянц 1972; 1998; Шахназарян 2003; 2005; Dudwick 1997; UNDP 1999).

2 В данном случае «девственность», «целомудрие», «невинность», «непорочность», «физическая целостность девственной плевы» являются синонимами. Синонимами являются и процессы, обозначаемые как «инициация», «дефлорация», «сексуальный дебют», «потеря / утрата девственности / невинности / целомудрия», «разрыв девственной плевы» (анализ терминов см. Андреева 1998). В некоторых случаях между этими практиками могут быть существенные различия. Так, девственность может иметь как физиологическое, так и статусное или когнитивное значение, которые не обязательно совпадают (Яргомская 2002: 302–303); в гомосексуальных дебютах «потеря девственности» не обязательно предполагает вагинальный секс (Carpenter 2002: 349), дебют как событие утрачивает определенность, его начало связано с самоидентификацией (процессом принятия себя), а не с дефлорацией. Поэтому «потеря девственности» становится неадекватным термином для описания (гомо)сексуальной биографии (Омельченко 2004). В данной статье речь пойдет только о гетеросексуальных практиках, преимущественно о женских, поскольку именно они конституируют «девственность» как культурный код парадигмального сценария в Армении.

В Армении правило выбора брачного партнера родителями (как это происходит, например, в Таджикистане) утратило обязательность, однако родители должны гарантировать сообществу отсутствие добрачных связей у их дочерей, а свекровь должна подтвердить наличие свидетельств дефлорации после брачной ночи³.

Патриархальный сценарий не является неизменным. Когда существующие правила перестают действовать, а «аномалии» невозможно игнорировать, сексуальная парадигма становится уязвимой. В таком случае исследователи говорят о кризисе сексуальной парадигмы. Многие женщины нарушают правила сексуального сценария и в «нормальной» фазе патриархата, как, например, разведенные, бездетные, одинокие женщины. Однако до поры до времени их поведение расценивается как случайное отклонение от нормы. И только тогда, когда такие отклонения обретают всем очевидный систематический характер, возникают условия для смены гендерной / сексуальной парадигмы. Под влиянием социальных и экономических процессов происходят изменения брака, развода, гендерного разделения труда. Однако они не осуществляются без индивидуальных усилий, обретающих политический смысл с точки зрения феминистской теории (Kandiyoti 1988: 285–286). Как показывают эмпирические исследования, в Армении в советский период происходили существенные изменения гендерных отношений (Тер-Саркисянц 1972; 1998; Карапетян 1986; см. также Dudwick 1997). Женщины наравне с мужчинами имели и использовали доступ к образованию и работе, разводились, повторно выходили замуж. Однако эмансипация публичной сферы значительно превосходила аналогичные процессы сферы приватной.

Более свободные правила были характерны для интеллигенции. При этом, как свидетельствуют биографические рассказы, сохранение добрачной девственности в советское время оставалось незыблемым правилом, нарушения которого были редкими и тщательно скрываемыми.

В постсоветских гендерных отношениях неевропейских стран присутствуют значительные элементы неопатриархата (Тартаковская 2006: 6, 9–11, 17). Контроль над женщинами становится более заметным и более рефлексивным. Роль женщины и семьи в национальной традиции обсуждается в приватном и публичном дискурсах. В образованной среде большинство компонентов патриархатного сценария оказываются проблематизированными. Возникают систематические отклонения от парадигмы (в том числе получает распространение добрачный сексуальный опыт женщин).

Исследуя гендерные отношения в Армении, я хочу проследить, как происходят изменения гендерного порядка на уровне повседневности, когда «нормальная» фаза патриархата сменяется «кризисной». Для этого я сфокусирую внимание на центральном культурном коде — добрачной девственности⁴. Этот код рекон-

---

3 Я не рассматриваю здесь случаи поздних браков, повторных замужеств и прочие. Как правило, парадигмальный патриархальный сценарий предполагает относительно ранние браки.

4 Как показывают немногочисленные исследования, затрагивающие вопросы сексуальности в Армении, около 80% женщин и 90% мужчин ожидают, что женщины сохранят девственность до брака, около 50% мужчин и около 10% женщин имели сексуальные контак-

струирован эмпирически как центральная категория рассказов о сексуальной жизни (Страус и Корбин 2001: 102–109). Мне предстоит показать, как практика контроля за сохранением девственности конституирует гендерный порядок.

При сборе данных использовалась вариативная целевая выборка типичных и отклоняющихся случаев и выборка критического случая (Flick 2002: 68–69). В качестве типичных случаев рассматриваются сексуальные практики, соответствующие парадигмальному сценарию, то есть систематического контроля над сексуальной жизнью женщины. Отклоняющиеся случаи включают более свободные практики советской интеллигенции. В качестве критического случая рассматривался случай похищения невест. Для анализа изменений я выделяю три возрастные когорты образованных городских жителей. Эмпирическую базу исследования составляют 42 биографических интервью о сексуальности с жителями Армении (преимущественно Еревана) и 13 интервью с экспертами⁵.

В качестве информантов были выбраны городские жители с высшим образованием⁶, поскольку меня интересовали процессы модернизации гендерного порядка. Соответственно, в фокусе внимания оказывались наиболее модернизированные слои общества. Для данного исследования также важным являлись согласие и способность людей разговаривать на темы интимной жизни. Такая специфика выборки накладывает ограничения на результаты, которые не могут быть распространены на все население Армении. Я предполагаю, что распространен-

---

ты до брака (Khachikyan 2000: 53; Derahasneri aroghjutyán pahpanume geraka khndir e Hayastanum («Защита здоровья подростков — приоритет в Армении»); For Family and Health Association, Report within framework of UNFPA Project “Improvement of Reproductive Health of Women, Men and Young People” 2002: 63. Цит. по Ghazaryan 2004: 10–11). Речь, однако, здесь пойдет не о цифрах, в которых сомневаются даже приводящие их исследователи. Меня будет интересовать интерпретация женского сексуального опыта и практики, которые воспроизводят гендерный порядок или способствуют его изменениям.

- 5 Интервью были собраны в Армении в ходе реализации проекта «Трансформация гендерного порядка: от позднесоветского общества к национальному государству (на примере Армении)», осуществленного в 2004 году при финансовой поддержке Фонда К. и Дж. Макартуров. Я четыре раза приезжала в Ереван (два раза специально для проведения исследования), в течение двух месяцев было собрано сорок два биографических интервью: 23 были сделаны мною (так же как и все экспертные), 19 — проведены по путеводителю Мариам Оганян и Армине Мхитарян, в том числе семь — на армянском языке с последующим переводом на русский). Путеводитель содержал темы, касающиеся сексуальности, которые в середине 1990-х годов обсуждались в России. Однако, учитывая особенности локального контекста, мы делали больший акцент на семейные отношения. Поскольку пилотные интервью (в 2001 и 2002 годах) выявили значимость заключения брака и контроля над женской сексуальностью в этот поворотный момент женской биографии, то в путеводитель был добавлен блок вопросов об отношении к девственности, сексе в первую супружескую ночь (этот вопрос в России потерял смысл), выполнении ритуала «красное яблоко» и отношении к нему, а также о взаимоотношениях внутри патрилокальной семьи и некоторые другие.
- 6 Среди них студенты старших курсов, аспиранты, врачи, учителя, психологи, научные сотрудники, преподаватели вузов, творческие работники, менеджеры, экономисты, журналисты и другие.

ность патриархальных норм среди наиболее образованных слоев показательна с точки зрения устойчивости этих норм в обществе в целом. Однако обнаруженные изменения (либерализация практик), возможно, ограничивается достаточно узким слоем молодых образованных горожан. Старшая возрастная группа информантов соответствовала позднесоветскому поколению. В младшей группе были выделены две подгруппы. В первой формативные годы пришлось на первую половину 1990-х, то есть на годы кризиса и блокады, тяжелых бытовых условий, повлиявших на устройство семьи и приватной сферы. Вторая подгруппа, формативные годы которой приходятся на более стабильные 2000-е, проблематизировала сексуальные и гендерные практики, ранее осуществляемые как рутинные. Среди этих практик наиболее дебатлируемые — добрачная девственность, традиционная структура семьи, отношения с родственниками мужа.

Таблица 1

**Распределение информантов по полу и возрасту,
Армения, Ереван, 2004 год⁷**

Возрастная группа	Формативные годы	Женщины	Мужчины
Позднесоветское поколение: 40–50 лет (1954–64 г. р.)	1974–1984	9	3
Поколение переходного периода и кризиса: 25–39 лет (1965–79 г. р.)	1985–2000	10	4
Поколение периода проблематизации сексуальности: 19–24 года (1980–85 г. р.)	2000-е	13	3
Всего		32	10

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В АРМЕНИИ: КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

В советский период гендерный порядок в Армении, как и везде в Советском Союзе, претерпел существенные модернизационные изменения: женщины получили равные с мужчинами права, возможности учиться и работать в публичной сфере. Исследователи полагают, что начало процесса модернизации гендерных отношений можно отнести к еще более раннему периоду — к концу XIX — началу XX века (Карпетян 1958; Тер-Саркисянц 1998; Matossian 1962). С точки зрения антрополога Норы Дадвик, на протяжении веков семья являлась центральной для этнического выживания, однако развитие капитализма понизило роль патриарха в расширенных армянских семьях, а советизация уменьшила значение семьи как экономического союза и усилила ее зависимость от социалистического государства (Dudwick 1997). В 1920–30-е годы происходил дальнейший процесс нуклеаризации армянской семьи (Тер-Саркисянц 1998: 137).

В позднесоветское время гендерный порядок в Армении претерпевал существенные изменения под влиянием урбанизации, индустриализации, государ-

7 В статье возраст информантов приводится на 2004 год.

ственной жилищной, социальной и семейной политики. Следствиями модернизации являются образование и трудовая занятость женщин, гетеросоциальные взаимодействия в публичной сфере и в сфере дружеского общения, возможность регулирования репродуктивного поведения и разводов. Результаты этнографических исследований 1960-х годов в сельской местности показали интенсивный процесс раздела семей в селах, в результате чего наиболее распространенной становится двухпоколенная семья, состоящая из 4–6 человек (Тер-Саркисянц 1972: 41, 46; 1998: 144–145). Браки все чаще заключаются по любви (Тер-Саркисянц 1998: 163). Определенная доля городского населения не считает необходимым получать согласие родителей на брак, часть молодежи, в том числе сельской, полагает, что старшие прислушиваются к их мнению (Тер-Саркисянц 1972: 78–79). В 1970-е годы не считали обязательным согласие родителей менее одной трети респондентов — жителей Еревана (Карапетян 1986: 178–179). Мужчины иногда принимают участие в «женских» домашних работах, хотя предпочитают умалчивать об этом (Карапетян 1986: 142–143). В целом в позднесоветский период для городской культуры были характерны изменения гендерных ролей и гендерного дисплея, стиля и образа жизни.

Однако и в этот, и в последующий период модернизация не разрушила основ патриархата. По мнению экспертов, гендерные отношения в Армении советского периода в основном сохраняли традиционный характер⁸. Исследователи фиксируют значительные различия гендерных норм и практик в разных социальных слоях в зависимости от происхождения, уровня образования, состава семьи. Традиционное гендерное устройство считается характерным для сельских семей, однако население Еревана формировалось в послевоенные годы за счет и городских, и сельских миграционных потоков, поэтому и в городе существуют значительные различия гендерных практик и норм⁹.

В 1960-е годы для армянского населения был характерен самый низкий в СССР показатель разводов, низкий процент одиночек и бездетных пар, укрепление связей между родственниками, живущими отдельно. В Ереване и в республике в целом сохранялась и даже усиливалась ориентация населения на семью

-
- 8 Одно из подробных исследований современных гендерных отношений выполнено в диссертационной работе Ноны Шахназарян. Она рассматривает традиционные институты замужества и материнства, статус разведенных, вдов и «старых дев» в Карабахе и показывает, что статус женщины неразрывным образом связан с замужеством, а гендерные практики — с половозрастным контролем. Все другие роли — разведенной, вдовы, одинокой женщины, «вдовы при живом муже», женщины-воина — были и остаются проблематичными (Шахназарян 2005; см. также Тер-Саркисянц 1998: 130–154; Dudwick 1997).
- 9 Как показало исследование населения Еревана 1970-х годов, главенство и распределение обязанностей различаются в семьях умственного и физического труда, а также зависят от места, из которого люди приехали в Ереван. Жители больших городов и мигранты из крупных промышленных центров РСФСР, Грузии и Азербайджана придерживаются городских моделей во внутрисемейных отношениях, в то время как сельские мигранты сохраняют привычные нормы семейного поведения, отличаясь традиционностью. От социального статуса, общеобразовательного уровня и уровня общей культуры зависят и установки женщин на свои роли (Карапетян 1986: 32, 139, 145).

и семейные ценности. В 1960-е годы средняя величина армянской семьи увеличилась, достигнув к 1970-м годам пяти человек. В 1980-х годах в сельской местности фиксировался рост расширенных семей, в Ереване наблюдается укрупнение и усложнение семьи (Тер-Саркисянц 1998: 138–144; Карапетян 1986: 116). Исследователи полагают, что в этот период происходило «возрождение» сломанной в начале века традиции в новых формах, что было связано с ростом населения Еревана за счет мигрантов и усиления важности традиции (Лурье 1997: 202–203; Тер-Саркисянц 1972; Карапетян 1986). Этнограф Алла Тер-Саркисянц (1998) пишет:

Для современной армянской семьи, хотя она и стала по своему составу малой, остаются характерными некоторые традиции большой семьи, в частности исключительная прочность родственных уз. [...] Тесные связи наблюдаются и между родственниками, живущими в селе и в городе. Сохраняющиеся в той или иной степени традиции большой патриархальной семьи ... продолжают играть немалую роль в стабилизации современной армянской семьи, особенно сельской (153).

Гендерный порядок позднесоветского времени при значительной модернизации публичной сферы в приватной сфере включал в себя как патриархальную парадигму, так и систематические отклонения от нее. Границы не являлись жесткими, разные нормы могли сосуществовать на разных фазах жизненного цикла, взаимопроникать и накладываться друг на друга.

В период постсоветского строительства национального государства многие гендерные правила в образованной среде оказываются проблематизированными. Усиливается значение национальной идентичности, одновременно проблематизируются ее гендерные компоненты. В некоторых случаях половозрастная патриархальная иерархия озвучивается как незыблемая норма, в других она считается отмирающим «пережитком прошлого». Информантки рассказывают об усилении роли семьи и родственных связей в период войны и экономического кризиса¹⁰. Контроль над женщинами становится более заметным и более рефлексивным. Одновременно он становится и менее легитимным, возникают систематические отклонения от норм. Поляризация ролей перестает быть нормой, чему способствуют экономические и другие изменения. Альтернативные гендерные нормы и сексуальные практики озвучиваются в интервью в контексте экономических и культурных различий. Правила сексуального поведения социально стратифици-

---

10 В Республике Армения контекст постсоветских трансформаций определяется самыми различными факторами: последствиями борьбы за Нагорный Карабах и военными действиями, неблагоприятной геополитикой, экономическим кризисом, массовыми миграциями и взаимодействиями с диаспорой. Землетрясение, остановка АЭС, энергетический кризис и экономическая блокада (практически отсутствовало железнодорожное сообщение с соседними странами) резко изменили организацию быта. Перебои с электроэнергией, отсутствие отопления и горячей воды было повседневностью 2001–2004 годов, хотя в это время отмечалось общее улучшение ситуации.

рованы, в обществе происходит дальнейшая дифференциация норм и практик в зависимости от принадлежности к определенному социальному слою, сообществу, месту проживания.

В интервью представлены свидетельства того, что из-за безработицы и массовой миграции (в первую очередь мужчин) женщины часто оказываются единственными кормильцами в семье. Женщины-кормильцы обретают большую свободу и мобильность, они полагают возможным реорганизовывать свою личную жизнь, не обязательно ориентируясь на замужество. Однако они считают, что такое поведение не поощряется сообществом, и испытывают его давление, что ограничивает возможности их выбора. Для определенных социальных сред образованной молодежи характерны ценности индивидуального выбора и определенные свободы в сексуальной жизни. Получают распространение практики знакомства по Интернету, добрачное сожитительство, гражданские браки, отложенное деторождение. Однако такие практики остаются нелегитимными для других социальных групп.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ СОХРАНЕНИЯ ДЕВСТВЕННОСТИ И НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ

Большинство авторов соглашается с тем, что в отношении к девственности в традиционных обществах существует двойной гендерный стандарт¹¹. Как считает Рэндалл Коллинз (2000),

в традиционных обществах выдвигалось жесткое требование девственности невесты до брака. Если бы она имела сексуальные отношения с другим мужчиной, права собственности мужа на ее тело были бы нарушены. В то же самое время тот факт, что в этих обществах отсутствовали требования к девственности мужчин, означает, что система собственности была в гораздо большей степени основана на праве мужчины обладать телом женщины, а не наоборот (120).

«Патриархальная цивилизация, — пишет Симона де Бовуар, — обрекает женщин на целомудрие; право мужчины на свободное удовлетворение сексуальных желаний признается более или менее открыто, но женщина замкнута в границах замужества» (де Бовуар 1997: 413). Различные традиции в теоретической интерпретации девственности — марксизм, фрейдизм, культурная антропология и феминизм — позволяют показать экономическую и символическую ценность девственности женщины, вариативность отношения к ней в разных культурах, а также связать требования к девственности с патриархальным порядком, который исполняет власть, осуществляя контроль и поддерживая объективацию и отчуждение женщины от своей сексуальности (Яргомская 2002; 2009). Для моего исследования важным также является анализ практик сопротивления доминирую-

---

11 Те традиционные сообщества, в которых ценность добрачной девственности отсутствовала, нерелевантны исследуемому случаю.

щим гендерным правилам (Здравомыслова и Темкина 2007). Кроме того, я учитываю то, что в ходе строительства национального государства могут предъявляться определенные требования к «чистоте» женщины и к ее роли в биологическом и символическом воспроизводстве нации (Юваль-Дейвис 2001).

Парадигмальный патриархатный сценарий в Армении действует во всех поколениях, включенных в данное исследование (поэтому далее речь идет как о позднесоветском, так и постсоветском времени). О значении девственности говорят представители разных групп. «Девственность была с замужеством... тождественна... культ [девственности] был какой-то» (женщина, 41 год). Этот «культ» сохраняется и у современной молодежи. Информантка рассказывает о вопросе, заданном молодому человеку: «В случае, ты любишь девушку, предположим, ты женился... оказалось, что она не девушка, что ты будешь делать, ты же ее любишь? Он отвечает: “Я лично этого не потерплю, то есть я не смогу с ней больше строить те же отношения”» (женщина, 46 лет).

Опишем, как осуществляется контроль за девственностью в «нормальных» вариантах парадигмального сценария. В этом случае девушка не имеет сексуальных отношений до свадьбы, на брак получено согласие обеих сторон, выполняются ритуалы сватовства. Свадьба легитимирует брак в глазах сообщества, хотя она не обязательно совпадает по времени с гражданской регистрацией или церковным венчанием. В первую брачную ночь происходит дефлорация. Свекровь, увидевшись утром в наличии крови на постельном белье (то есть в непорочности невестки), должна выполнить ритуал «красное яблоко» — отнести красное яблоко ее матери, подтвердив девственность девушки и публично выразив благодарность за ее правильное воспитание.

Женщина рассказывает о брачной ночи как о физической и моральной травме: «Я согласилась, скрипя зубами... в эту ночь я лежала вообще деревянная, и это было страшно больно» (женщина, 35 лет). Брачная ночь — это контроль за соблюдением правил, в процессе которого обозначаются властные иерархии и позиция молодой женщины.

А утром — она [свекровь] пришла... она заходит и начинает... рыться в постели. Ну, а поскольку крови было очень много, то мы все это собрали, вплоть до наволочки, и бросили в угол. И постелили все заново, и спали — это уже утро. Она вдруг не находит [кровь]. Сын сказал, что все нормально, а она не находит. И меня там нет как будто, вот я не человек.

Молодая женщина — объект проверки и подозрения в обмане. Такая история звучит как пример физического и символического насилия над девушкой, утверждающего ее низкий статус в системе половозрастной субординации.

В другом случае девственность рассматривается как дар, а дефлорация — как важнейший поворотный этап биографии. Женщина, состоящая в браке один год, рассказывает о том, что ее девственность как эксклюзивный дар была предназначена будущему супругу — предположительно единственному партнеру в жизни.

Я делала это сознательно, я просто хотела подарить себя моему мужу, я хотела, чтобы он был мой единственный мужчина ... Я не могла с тем переспать, а выйти замуж за другого. У меня должен быть один-единственный мужчина... И вообще я чистоту люблю. Будь то тела, будь то души (женщина, 28 лет).

Потеря девственности связывается со вступлением в брак, а биография разделяется на два этапа: «до» и «после». Информантка говорит о своей родственнице с иронией: «Когда она выходила замуж ... она все время так акцентировала девственность... — мы просто умирали со смеху. Потому что у нее было “до” и “после”. Все, что говорилось — “до” и “после”: “Вот когда я была девственной...”» (женщина, 41 год).

Однако описанные выше парадигмальные правила перестают быть само собой разумеющимися. Тема подозрения в фальсификации девственности постоянно звучит в рассказах информантов, особенно о постсоветском периоде. По мере расшатывания «нормальной» фазы новые агенты включаются в систему проверки и контроля. К контролю привлекаются эксперты-профессионалы — медики. В случае сомнения в «чистоте» молодой супруги, не подтвержденной утренней проверкой брачного ложа, родители мужа могут обратиться к врачам: «[Она] вышла замуж, и на следующий день ... никаких этих [следов] нет — все, позор! Привозили девушку к гинекологу, и гинеколог просто прилюдно, при этих родственниках [говорит]: все нормально у нее, проблемы с вашим сыном, идите, разбирайтесь» (женщина, 46 лет).

Аналогичную историю рассказывает другая информантка: «На следующий день свекровь пришла посмотреть, и невестку потянули за волосы к гинекологу. Он посмотрел, говорит, она девственница, скажите своему сыну, пусть он все это нормально сделает... как она могла себя чувствовать, если с ней так обошлись?» (женщина, 24 года).

Врачи вписаны в систему контроля девственности, они реагируют на такие запросы и опровергают (или подтверждают) подозрения родственников. Информантки рассказывали о том, как врачи в определенных ситуациях изменяют сроки беременности, чтобы сохранить правдоподобие добрачной девственности. Таким образом, институт репродуктивной медицины оказывается рефлексивным к центральному культурному коду гендерных отношений, хотя практики проверки или восстановления девственности не являются его функцией.

Итак, согласно данной парадигме женщина должна сохранять девственность до брака. Наиболее драматичные истории — это разоблачение отсутствия целомудрия и изгнание молодой супруги из дома мужа.

Дочь нашей соседки вышла замуж. Она училась здесь, в Ереване. Не знаю, она имела какие-то отношения с однокурсниками или с кем-то другим, но на следующий день же после свадьбы ее выгнали из дома, сказали, что она не была девственницей. Сейчас она у себя дома и весь район знает о ней, показывает пальцем, что она такая и такая (женщина, 20 лет).

Не менее драматичны истории потери девственности вне брака, которые стали известны в сообществе. Таким женщинам грозит разрушение «нормальной» биографии.

[Они] один раз допустили какую-то оплошность в кавычках, и поверили какому-то парню и потеряли девственность. И это стало известно, и на них общество смотрит другими глазами, и они уже не могут выйти замуж часто очень (женщина, 40 лет).

Женщина, утратившая девственность до брака, теряет возможность обрести важнейший легитимный статус — статус жены (Шахназарян 2005). Информантки рассказывают: «[Мужчины] говорили, вот, значит, кто-то использовал ее, и что, я должен жениться на ней?» (женщина, 24 года).

Парень говорит: «Даже если бы я тебя очень-очень сильно любил и что-то было в детстве... может быть тебя изнасиловали, все равно, все, твоя судьба уже кончена, ты конченный человек, я не принимаю тебя» (женщина, 20 лет).

Как и в других культурах, в парадигмальном сценарии «дефлорация вне установленного порядка воспринималась как жизненная катастрофа» (Голод 1998: 39). «Во многих слоях общества девственность ценится так высоко, что, по мнению девушки, было бы настоящим бедствием лишиться ее, не вступив в законный брак. Девушка, в порыве увлечения или от неожиданности уступившая мужчине, считается опозоренной [...] Ее “уступка” или “падение” ведет к презрительному отношению к ней» (де Бовуар 1997: 419, 413; см. также Пушкарева 1997: 23–24; Кон 2005: 43–44). Есть и другие мотивы, которые предостерегают от добрачного секса. Важная функция девственности — обеспечение безопасности и неприкосновенности женщины, сдерживание сексуальных порывов и ограничение власти мужчины. С точки зрения социолога Мариам Оганян (экспертное интервью 2004),

мужчина при желании, при его напористости всегда может взять женщину силой, изнасиловать в конце концов, и единственное, что его пугает — это ее девственность, потому что в обществе есть такая норма, что мужчина, лишивший женщину девственности, обязан на ней жениться, этого требует кодекс чести, по крайней мере родители девушки могут вынудить сделать его это.

Молодые люди самоограничивают себя в сексуальных отношениях с невестой или с девушками из своего окружения.

Если это разумный парень, он не допустит этого с девушками из своего окружения. Если это порядочная, нормальная девушка, он подумает о ней, о ее репутации и о ее будущем. Секс должен быть с кем-то посторонним, не с женщинами из своего окружения. Во многих случаях даже с проститутками... 17–19-тилетние парни обращаются к этому варианту (мужчина, 20 лет).

Другой информант подчеркивает необходимость постоянного самоконтроля: «Есть много барьеров [в отношениях], всегда ты себя держишь под контролем» (мужчина, 38 лет).

Девушки избегают добрачных сексуальных отношений, чтобы не оказаться в ситуации риска. Молодая информантка рассказывает о совете подруги по поводу возможных сексуальных отношений:

Она сказала: «Не делай этого... я не советую... это очень трудно, то есть ты теряешь что-то, свободу какую-то, то есть ты становишься очень зависимой» (женщина, 20 лет).

Поскольку сексуальный партнер становится эксклюзивным, заменить его невозможно, то девушка попадает в полную зависимость от его доброй воли — по сути от него зависит ее судьба «порядочной женщины». Молодые женщины вместе с девственностью могут потерять свободу — то есть возможность отказаться от отношений с данным молодым человеком и выбрать другого. Их будущее замужество в таком случае становится проблематичным. Культурный код — добрачная девственность женщин — регулирует поведение и женщин, и мужчин. И те и другие должны выполнять правила сообщества, в котором они являются подотчетными перед родителями, родственниками, соседями и сообществом в целом.

«КРИТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ»: ПОХИЩЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Теперь рассмотрим «критический случай» — истории «похищения невест». Эти истории не являются в Армении широко распространенными, однако существует определенный тип похищения, который возможен именно из-за предписания девственности невесты. Без этого базового компонента в условиях культурной девальвации девственности¹² разрушилась бы необходимость краж, при которых дефлорация (или ее потенциальная возможность) вынуждает родственников девушки дать согласие на брак. Существуют различные мотивы похищений. Как указывает антрополог Синтия Вернер, исследуя кражи невест в Казахстане, они могут быть экономически выгодными, они экономят время, могут быть связаны с отказом невесты или ее родителей, со стремлением вступить в сексуальные отношения, привести в дом родителям помощницу. Похищение может быть мотивировано беременностью невесты, опасением, что ее выдадут замуж за другого или другими причинами (Werner 2000: 72–73). Этнографы указывают на то, что в Армении похищения как способ заключения брака зафиксированы в материалах XIX века, хотя они и не имели широкого распространения. Главным образом похищение осуществлялось в форме увода, то есть при согласии девушки, но вопреки воле ее родителей (Тер-Саркисянц 1998: 161).

---

12 В условиях культурной девальвации девственности разрушается и потребность в гименопластике (Яргомская 2008).

Информанты называли несколько видов современного умыкания невест: криминальные истории насильственного похищения незнакомой девушки, истории похищения по фактическому согласию обеих сторон или при амбивалентной позиции девушки. Для меня представляет интерес коллективный нарратив о похищении-манипуляции, которое на символическом и практическом уровне конституируется культурным кодом добрачного целомудрия. Жених похищает девушку, на которой хотел жениться, но не получил согласия ее родителей. Девушку заранее не ставят в известность о похищении. Жених выстраивает при помощи посредников (друзей, родственников или родителей) ситуацию, после которой девушка уже не может вернуться в свой дом. Эта ситуация может быть названа «символической дефлорацией» (независимо от практической).

Женщина 40 лет, Нина¹³, рассказывает историю своего брака (речь идет о середине 1980-х годов). Артур ухаживал за ней и хотел жениться, но ее родители и братья были категорически против. Они также отказали другому молодому человеку, который был симпатичен девушке. Нине нравился потенциальный жених, однако она не была готова нарушить запрет родителей. Артур, не пожелав смириться с решением старших, обманул девушку, после вечеринки запер в своей квартире, оставив одну на ночь, и вернулся утром. «И он захлопнул дверь. Закрыли ключом дверь и ушли». После отсутствия в течение ночи без предупреждения она лишается возможности вернуться к родителям:

Потому что у меня никогда не было случая, чтобы я не ночевала дома. Никогда в жизни. И я не могла даже позвонить домой и дать какое-нибудь объяснение, где я. Но я уже не могла никуда вернуться [домой]... Я не могла перешагнуть этот барьер, это вот наше воспитание, наш менталитет... Потом приехали его родители, которые, конечно, уже знали все.

После этого она переехала в дом к родителям Артура, свадьбы не было. Об оформлении брака Нина не рассказывает, однако можно предположить, что оно состоялось, поскольку далее она говорит о рождении в браке ребенка¹⁴. При этом она долго не могла простить мужу обман. Артур, в свою очередь, считает, что у него не было другого способа разрешения ситуации: «Он мне сказал, что у него не было другого выхода. Мне кажется, что он вынужденно пошел на этот шаг, потому что уже чувствовал, что он мог меня потерять насовсем». Семья Нины, с точки зрения информантки, предполагала сговор и ее сознательное участие в похищении.

Аналогичную историю рассказывает Наринэ, 20 лет (речь идет о начале 2000-х годов). Ее родители не дали согласия на брак, мотивируя отказ необходи-

---

13 Все имена в статье изменены.

14 В данном случае рассказ информантки был разделен на две части — сначала она не упоминала о похищении, а рассказывала конвенциональную историю. Затем, сделав над собой видимое усилие, Нина сказала «я буду до конца откровенной» — и поведала историю похищения, о которой ей было эмоционально трудно рассказывать. Поэтому в ходе повествования не всегда было уместно уточнять детали.

мостью закончить учебу. Наринэ, хотя и была влюблена, намеревалась прекратить отношения под давлением родителей. Жених продолжал настаивать на свадьбе. Наринэ рассказывает, что после очередного отказа он, обманув ее, увез ее на дачу, откуда она не могла вернуться.

Мой будущий муж стал преследовать меня. Он все время ходил за мной, приглашал куда-то... наше общение стало перерастать в нечто большее, в любовь. [...] Реакция моего отца была отрицательной... Мой будущий муж пришел на разговор к моему отцу, но он ему отказал... преследования продолжались... Отец сердился ужасно... полностью настроился против этого парня... Во время очередного звонка по телефону он [будущий муж] попросил меня выйти из дома на минуту. Ну, я и вышла. Он сидел в машине, сказал мне, сядь, покружим по городу, примем окончательное решение. Но кружение на машине этим не закончилось. Он повез меня на какую-то дачу... В первый день, хотя на даче мы были одни, сексуальных отношений между нами не произошло. Потом обо всем узнал мой отец, но было уже поздно, потому что прошло несколько дней. Мы были совершенно одни. Первое, что я сделала, это написала, как все случилось, чтобы в дальнейшем родители меня не обвинили... Сначала [отец] ужасно рассердился, потом свыкся с этой мыслью. Мы поженились... родился ребенок.

Для этих историй характерными элементами являются запрет родителей девушки на брак дочери и двойственность позиции девушки: она согласна выйти замуж, но не хочет нарушать запрет родителей. Родители жениха, напротив, поддерживают выбор своего сына. Само умыкание девушки заключается в том, что жених создает ситуацию, при которой она оказывается ночью наедине с ним. Этой ситуации достаточно для того, чтобы девушка лишилась добрачного статуса и возможности вернуться домой. Дальнейшее развитие ситуации не проговаривается, но домысливается сообществом. Независимо от происшедшего, предполагается, что девушка вступила с женихом в сексуальные отношения и потеряла невинность. Символическая дефлорация изменила ее статус. Она лишилась возможности вступить в другой, «нормальный» брак, и поэтому родители соглашались на брак с похитителем. Альтернатива — позор для девушки и всей семьи и символическое исключение ее из мира «приличных женщин».

Центральным, хотя и не эксплицируемым компонентом истории является символическая дефлорация, после которой для нормализации биографии женщине необходимо, во-первых, репрезентировать историю как насильственную, а себя как жертву принуждения, а во-вторых, выйти за похитителя замуж. К этой ситуации применимо позиционирование себя как «жертвы» сексуальных отношений. В этом случае девушка получает возможность оправдания и одновременно разрешенной свободы (Андреева 1998: 191). Похищение-манипуляция выступает способом организации брака в случае запрета со стороны родителей невесты. Такая стратегия может быть реализована, если нормативная женская биография предполагает резкое изменение статуса, связанное с дефлорацией, а следствием внебрачной дефлорации становятся крах репутации и потеря жизненных шансов.

Похищение преодолевает власть старшего поколения, однако девушка остается за пределами принятия решения и не выступает агентом нарушения парадигмальных правил. В нарративе она занимает позицию пассивного объекта, лишённого возможности повлиять на ход событий.

Итак, патриархальное общество накладывает строгие запреты на добрачные сексуальные связи. Однако современные тенденции сексуальной либерализации приводят ко все большему распространению женских добрачных связей. Патриархальные гендерные идеологии запаздывают по сравнению с либерализованными практиками. Этот феномен гистерезиса приводит к развитию различных сценариев совладания с ситуацией внебрачной потери девственности. Истории о девственности — это истории разного рода обманов или уловок, которые позволяют встраивать не вполне нормативное поведение в нормативные рамки. К ним относятся случаи, когда родители жениха не интересуются целомудрием невесты, но формально выполняют ритуал «красное яблоко». «Люди это делают, наверное, для общества, для соседей, чтобы они успокоились, не было пересудов, была ли девушка “чистой”» (женщина, 20 лет). Свекровь, которая знает о беременности невестки, относит по ее просьбе яблоко ее родителям. Еще одна история:

А отец ее [невестки] работал на рынке. И она [свекровь] говорит: «Иду я на рынок, — говорит, — здороваюсь, там родственник! Я смотрю, он весь мрачный, я говорю: а в чем дело?» А он говорит мне: «Ну, я понимаю, цивилизация, вы образованная семья, но все-таки у нас есть соседи, у нас есть родственники, как можно, не прийти с этими красными яблоками». Ну, она думает: «Господи, если я молчу, то чего вы рыпаетесь». И говорит: «Слушай, ты же работаешь на рынке, купил бы эти красные яблоки и понес бы домой». Я так ему намекнула, что никакого повода [нет] (женщина, 50 лет).

Другой вариант — имитация супругами дефлорации в брачную ночь. «Но, кстати, это был тот случай, когда они переспали раньше, и она [после брачной ночи] сказала: “Я уже застирала все”, — схитрила просто» (женщина, 35 лет).

Уловки встраиваются в парадигмальный сценарий, нормализуя биографию, то есть формально подтверждая наличие несуществующей девственности. Требуется не столько практическое выполнение правил, сколько демонстративное символическое подтверждение их легитимности. Именно этой цели служат ритуалы, подтверждающие, например, «невинность» беременной невесты, когда свекровь, зная об этом, после свадьбы относит ее родителям «красное яблоко», символизирующее непорочность.

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРИВАТИЗАЦИЯ ДЕВСТВЕННОСТИ

Гендерные отношения и регулирование сексуальности различаются в разных социальных слоях. Гендерный порядок национального сообщества советского периода не являлся гомогенным, для интеллигенции были характерны более модернизированные правила: существовали определенные свободы в воспитании

детей, общении, выборе брачного партнера, супружеских отношениях. Некоторые женщины подчеркивают нетипичность своих установок и практик для национального или «восточного» контекста: «У меня не было никогда ... восточного восприятия, чтобы сразу выйти замуж... армяне поймут, потому что это очень армянское восприятие, если влюбилась... то надо обязательно выйти замуж» (женщина, 40 лет).

Информантки, считающие свои практики нетипичными, относят себя к «творческой интеллигенции», «богеме», «получившим русское образование» и т.п. К тем же социальным средам относят себя и «старые большевики» из поколения бабушек и дедушек. Принадлежность к высшим, наиболее образованным социальным стратам советского периода и идентичность «советской интеллигенции» легитимирует отклонение повседневных практик от традиционных: «[Мы] воспитывалась в ... советской культуре, особо национальное не выпячивалось, ... никак во мне не воспитывалось, я всегда считала, что я космополит» (женщина, 45 лет). Русификация в этом случае понимается как модернизация, связанная с более либеральным сексуальным поведением и прогрессивным типом гендерных отношений в сравнении с традиционным «армянским».

Большинство информантов подтверждает, что у интеллигенции отношение к гендерным нормам было более гибким, а контроль за их выполнением менее жестким. Требовалось соблюдение добрачной девственности, однако это требование могло быть не выполнено, обычай мог быть не соблюден. Дефлорация в брачную ночь не подвергалась контролю либо использовались специальные стратегии совладания с ситуацией. Для этих социальных слоев была характерна миграция и мобильность, девушки и юноши учились в России, их родители разводились, матери повторно выходили замуж или в одиночку воспитывали детей, жили отдельно от своих родителей, работали в других союзных республиках. Дети советских образованных «работающих матерей» получают значительные свободы в поведении. Романтические привязанности становятся широко распространенными, не придается большого значения национальности, традиция не является значимой системой референций.

Добрачный секс для женщин в этой среде, как и в обществе в целом, не является легитимным, однако сохранение девственности приватизируется, перестает быть предметом публичного контроля, и потому правило добрачного целомудрия может быть незаметно нарушено. Информантки рассказывали истории добрачных беременностей и гражданского сожительства. При этом, в отличие от России, о таких практиках говорят как о редких и тщательно скрывааемых.

Отношение к добрачным связям было в целом негативным: «А если кто-нибудь и считал по-другому, делал по-другому, и мы это узнавали, то это было минусом, это было что-то отрицательное» (женщина, 30 лет). Отклонения были тайной — о них не знали, их не замечали. По словам информанта, в советское время в Армении «такой истерии вокруг этого вопроса не было» (мужчина, 40 лет). В повседневности добрачный секс или беременность осознавались как личная проблема или проблема партнеров, которая разрешалась в зависимости от жизненных обстоятельств (аборт, замужество, переезд в другое место и так далее).

Отход от традиционных норм в сексуальном поведении не являлся сознательным биографическим проектом, а скорее — некой цепью действий, приводящих к нарушению нормативной последовательности свадьба–дефлорация–репродукция. Этим нарушениям способствовала молодежная среда: ухаживания, влюбленности, «тусовки», вечеринки, поездки, туризм, лагеря и тому подобное. Однако кодом, регулирующим межполовые отношения, оставался запрет девушкам на вступление в сексуальные отношения до брака:

«Это особо не воспринималось страшно, если девочки встречаются с кем-то — пожалуйста. До сексуальных отношений, может быть, не доходило, но спокойно встречались, дружили, обручались, разрывали эти обручения, все как-то было нормально» (женщина, 45 лет).

Нарушения не одобрялись и скрывались, но, тем не менее, постоянно воспроизводились.

Публично умалчиваемые истории непротиворечивым образом встраивались в биографию, особенно в случае потери девственности с будущим мужем. Анна (50 лет) рассказывает об истории своей влюбленности в двадцатилетнем возрасте в молодого человека, который собирался на ней жениться. Она вступила с ним в сексуальные отношения, забеременела, после чего он изменил свое решение. Анна испытывала к нему сильные чувства и собиралась родить независимо от вступления в брак. Молодой человек затем все-таки согласился жениться, свадьба состоялась, а родственники остались в неведении по поводу добрачных сексуальных отношений.

В другой аналогичной истории ситуация была разрешена при содействии врача, который сознательно обманул жениха — своего друга: «[Врач] сказал: “Знаешь что, ... если мы сделаем ей первый аборт, она никогда в жизни не будет рожать детей. Если ты берешь на себя этот...” — это [был] полный блеф» (женщина, 40 лет). В результате мужчина согласился оформить брак.

В среде культурной элиты, к которому принадлежали эти информанты, обычно «красное яблоко» мог соблюдаться лишь формально, при этом контроль дефлорации не осуществлялся: «Они [родители мужа] очень тактичные..., они не ходили, не искали там простыни, не смотрели... Просто они принесли коньяк с красной ленточкой, к нам [моим родителям] принесли яблоки» (женщина, 45 лет).

В целом гендерные и сексуальные практики представителей поколения 1960-х годов рождения, относящих себя к высоко образованной русскоязычной армянской интеллигенции, в основном аналогичны российским (за исключением практик добрачного женского сексуального опыта). При этом так же, как и в России, в Армении не существовало поколения, объединенного общим артикулированным опытом (Rotkirch 2000: 167–170). Среди интеллигенции встречались более традиционные семьи, которые придерживались правил парадигмального сценария и настаивали на соблюдении всех ритуалов, жестком разделении ролей, совместном проживании с родителями мужа. В этом слое гендерные иерархии являлись постоянным предметом переговоров (хотя и не всегда эксплицитован-

ных), связанных со столкновением культурных традиций сообщества и ценностями советской гендерной эмансипации.

В среде городской интеллигенции допускались значительные свободы в поведении мужчин и женщин. Культурный код гендерных отношений — *сохранение добрачной девственности* — остается значимым, однако приватизация практики на уровне частной жизни и сужение контроля до символического уровня позволяли обходить запреты. Сохранение девственности до брака в советское время осуществлялось в целом как рутинная практика. Если не происходило поломок или их удавалось скрыть, девственность не становилась предметом рефлексии. Этому способствовали и национальная культурная традиция, и советское лицемерное умолчание вопросов сексуальности. «Вот такое у нас было советско-армянское воспитание», — подытожила информантка 50 лет.

Артикуляция, фабрикация и отказ от соблюдения девственности в постсоветский период

В этот период сохранение девственности и обычай «красное яблоко» перестают быть рутинными и становятся рефлексивными практиками, по поводу которых высказываются различные мнения, разрушающие прежний консенсус умолчания. Появляются новые агенты, институты и дискурсы, чувствительные по отношению к интимным практикам. Среди них масс-медиа, программы развития, женское движение, медицина, образовательные программы, церковь, рынок контрацепции, секс-индустрия и так далее.

Среднее и младшее поколения образованных женщин часто выражают негативное отношение к контролю сексуального поведения, они считают его ритуалы архаичными, но, тем не менее, неизбежными, а себя — принуждаемыми к их исполнению. Многие молодые мужчины и женщины признают необходимость того, чтобы женщина сохраняла добрачную девственность. При этом воспроизводится двойной гендерный стандарт в отношении к сексуальной инициации.

«Если у девушки были добрачные половые отношения, то в армянском контексте это неприемлемо... Для меня тоже это будет неприемлемо и неприятно. А что касается парня, то, скажем, в его случае это не одно и то же, как в случае девушки, ничего неординарного в этом нету, это нормально» (мужчина, 20 лет).

«В Армении сохраняется то, что девушка должна выходить замуж, потом потерять девственность» (женщина, 19 лет).

В то же время в условиях либерализации правила парадигмального сценария смягчаются или их выполнение становится незначимым в наиболее образованных слоях.

Я считаю, что девственность девушки не играет никакой роли.... Подавляющее большинство парней на это вообще не обращают внимания... Я знаю случай, когда после так называемой первой брачной ночи выяснилось, что невеста не девственница. Так вот, жених с ней совместно создал видимость того, что она была невинной (женщина, 24 года).

Другая информантка говорит о своем женихе: «Ну, а насчет красного яблока, он сказал, что никто этого не увидит. Даже он мне заранее говорил, неважно — ты девственница или нет, вообще никто об этом не должен знать» (женщина, 27 лет).

Одновременно смягчается контролирующая функция свекрови. Она может не интересоваться целомудрием невестки или участвовать в имитации ритуала: «Она помыла простыню мою и повесила, чтобы все соседи знали, что я была девственница» (женщина, 32 года).

Итак, рассмотрим, как меняются практики и повседневный дискурс в отношении девственности.

Артикуляция и проблематизация девственности

Вопрос о сексуальной инициации становится предметом широкого обсуждения в повседневных и некоторых публичных дискурсах. В курсах по психологии, социологии, гендерным исследованиям и тому подобном этот вопрос бурно дебатруется молодежью. В проективных сценариях незамужних девушек младшей возрастной группы (19–24 года в 2004 году), не имеющих сексуального опыта¹⁵, присутствуют значительные вариации в оценке добрачных отношений. При этом девушки, независимо от степени либеральности своей позиции, часто считают, что на практическом уровне девственность важна как гарант безопасности и снижения напряженности в будущей семье, и поэтому они собираются придерживаться традиционной стратегии.

Рассказывает преподавательница вуза:

Мы с ними [студентками] говорим, и я говорю: «Ну неужели это не насилие, вот вы, молодые девочки». И Вы знаете, что тут началось: «Ой, ради Бога, пусть посмотрят... и пусть знают, а то до конца жизни... с этой свекровью не разберешься, так что лучше пусть». Вот и меня поразило, что даже молодежь как-то считает, что вот надо и надо, и все.

Говорит другая преподавательница:

Студенток где-то шесть сказали, что... обычай... красного яблока... уже устарел, и давно нужно от него оказаться и что нужно принять добрачные половые связи. Где-то, наверно, половина сказали, что нет, что все-таки нет, в семье должна быть чистота, и первым мужчиной все-таки должен быть муж. А остальные девушки говорили, что в принципе, если быть уверенной, что с этим парнем можно и пожениться, можно и добрачную связь с ним,

---

15 Эта возрастная группа представлена мужчинами (три человека) и женщинами (тринадцать человек). Она включает студентов, аспирантов и молодых специалистов. Кроме индивидуальных биографических интервью было проведено два групповых. Среди женщин восемь не имели сексуального опыта, трое замужем и двое имеют сексуальный опыт вне брака. Среди мужчин один не имеет сексуального опыта, двое других холосты и имеют опыт внебрачных контактов.

допустим. Но когда я индивидуально у них спросила, кто из них решится на такое, они сказали, нет, что речь идет о других, они могут и не решиться пойти на это.

Таким образом, многие девушки допускают, что добрачное целомудрие утратило обязательный характер. Культурный сценарий сексуальности — как структура, задающая ограничения и возможности действия, — изменился, степень его легитимности снизилась. Однако многие молодые женщины предпочитают следовать правилам парадигмального порядка во избежании санкций.

Диапазон проективных оценок девственности варьирует от признания необходимости целомудрия до возможности вступать в отношения с женихом по любви или в процессе поиска подходящего партнера. Рассмотрим данные позиции.

Первая из них воспроизводит парадигмальный сценарий. Считается необходимым сохранение добрачной девственности, признается легитимность власти старшего поколения, хотя при этом желательно сужение круга агентов контроля. «Может быть твой муж, [твоего мужа] мама пусть узнает [о дефлорации]. А не ... все соседи вокруг. Это абсурд» (женщина, 20 лет). В изложении подобных взглядов часто подчеркиваются особенности армянской семьи и роли женщины, а также национальная армянская традиция. Информант рассуждает с позиции эксперта:

Мы все-таки армянская нация и должны сохранять свою этнокультурную самобытность... Думаю, эти традиции [девственности] должны сохраняться для этнокультурной дифференциации и во времени, если нация хочет жить как нация. В принципе в этом смысле есть много деревень, где девушка должна быть девственницей, прежде чем выходить замуж. Это нельзя не поощрять в отдельных деревнях, в отдельных семьях, в отдельных каких-то группах (мужчина, 21 год).

Во второй позиции властными полномочиями наделяется мужчина-партнер, а не старшее поколение. Наличие девственности контролируется только супругом, в чем выражается своего рода «нуклеаризация» семейно-брачных отношений.

«Мне кажется, это [девственность] должно быть только между парой, все должно происходить между двумя. Для них это должно быть важно, за рамки их это не должно выходить» (женщина, 23 года).

«Считаю, важно, чтобы об этом знал только муж, о том, что я чиста. Конечно, не очень приятно, когда об этом говорит и это обсуждает весь город. Думаю, что даже свекрови не обязательно знать об этом. Не обязательно также было даже собираться по этому поводу, отмечать» (женщина, 20 лет).

В этих случаях предполагается значимость традиционных ролей женщины, связанных в первую очередь с материнством и домохозяйством, хотя и допускается ее работа в публичной сфере.

Третья позиция допускает потерю девственности с женихом при наличии сильных чувств или в партнерских отношениях. Некоторые девушки (об этом речь пойдет дальше) считают себя способными вступить в добрачные отношения.

«Если я буду уверена, и буду уверена в нем, то мне кажется, это правильно — добрачные отношения...» (женщина, 20 лет). «Половые отношения, ... это... сторона любви» (женщина, 21 год).

Молодой информант с этим согласен: «Мое отношение, что добрачные сексуальные отношения допустимы. И для девушек в том числе, конечно. Для парней тем более» (мужчина, 21 год). Женщины с подобными установками, как правило, подчеркивают роль образования, карьеры и самостоятельного заработка в своей жизни.

В начале 2000-х годов в среде молодых образованных городских женщин нет консенсуса по поводу отношения к добрачной девственности. Эта проблема становится предметом дебатов в публичных пространствах, включая Интернет.

ФАБРИКАЦИЯ ДЕВСТВЕННОСТИ

Несмотря на наличие различных позиций, потеря девственности до брака продолжает описываться как риск утраты жизненных шансов. В случае обнаружения она может стигматизировать и маргинализировать женщину. Однако культурный климат становится более либеральными, ослабевают контроль семьи и общества, возникают ситуации, при которых возможен добрачный сексуальный опыт девушки. Одна из стратегий совладания с рисками озвучивается в нарративе о хирургическом восстановлении девственности (гименопластике).

Такие действия, позволяющие контролировать обстоятельства, лишены легитимности и должны быть тщательно скрываемы. Тайные операции, которые, по мнению информантов, практикуют гинекологи, восстанавливают утраченную девственность, в результате чего женщина обретает шансы на «нормальный» брак и на «счастливую жизнь». «Завтра зашьют, и все будет нормально. Лишь бы никто не знал.... Она знает, что если она не зашьется, если она не скроет, у нее не будет счастья... "Ты очень хорошая. Ты хороший друг, ты хороший товарищ, ты хорошая любовница. Но в дом мне нужна девушка"... надо, чтобы мать видела» (женщина, 27 лет).

История, как правило, имеет следующий сюжет. Девушка вступила в сексуальные отношения, собираясь выйти замуж, но отношения не сложились, или жених от нее отказался. Возможно, она была изнасилована или принуждена к сексу. После этого, чтобы вступить в другой брак, она вынуждена прибегнуть к тайной операции по восстановлению девственной плевы. Информантка рассказывает историю подруги. «Он лишил ее девственности... в какой-то степени изнасиловал.... У нее был шок...». Через несколько лет подруга влюбилась и собралась замуж.

И буквально [за] два месяца до свадьбы она говорит мне — а можно найти врача, чтоб зашить. И она вынуждена была это сделать. Не потому что она боялась скрыть от парня — она могла бы ему рассказать, своему будущему мужу, что вот это было бы так. Но только для того, чтобы не было конфликтов... чтобы будущая семейная жизнь — не дай бог завтра они поссорятся, он ей напомнит ...Извините меня, какая-то пленка разорвалась. Но это играло главную роль (женщина, 27 лет).

Отсутствие девственности ставит женщину в зависимость от доброй воли окружающих. Сохраняя (или тайно восстанавливая) добрачную девственность, женщина оказывается в большей степени независимой от обстоятельств и окружения.

В патриархальном обществе, осуществляющем строгий контроль женской сексуальности, девушка, которая лишилась девственности, с точки зрения информанток, имеет две возможности. Либо она имитирует девственность и тем самым встраивается в существующий гендерный порядок, либо она становится маргиналом, потерявшим репутацию и жизненные шансы¹⁶. Эту ситуацию комментирует молодая женщина: «И вот когда у нас девочки теряют девственность раз, у них как бы такая установка, что — ну нету больше девственной плевы, ну, какая разница — раз или сто раз? С одним или с многими, — главное, что нет [девственности]» (женщина, 21 год).

Как показала в исследовании сексуальных дебютов в России Наталья Яргомская, в нарративе гименопластики женщина выступает агентом стратегического действия, который может взять обстоятельства своей жизни под контроль. Анализ интернет-дискурса о гименопластике в России демонстрирует, что покупка-восстановление девственности, с одной стороны, воспроизводит традиционные нормы, позволяя определенным группам женщин прибегнуть к «уловкам слабых» для обеспечения безопасности¹⁷. Такого рода манипуляции укоренены в культуре, для которой характерна гендерная асимметрия в отношении сексуальной инициации. С другой стороны, гименопластика в таких культурах позволяет женщине контролировать свои жизненные условия: «при сохранении прежней символической системы координат, женщины получают возможность манипуляции девственностью в своих интересах». Хирургическое восстановление девственности позволяет женщинам «приватизировать свой сексуальный опыт и уходить от внешнего контроля за своей сексуальной жизнью» (Яргомская 2009: 297).

---

16 Информанты указывают, что молодые женщины, в том числе разведенные, могут выйти замуж за армян из диаспоры. Однако в таких нарративах подчеркивается, например, разница в возрасте или наличие детей, а не наличие / отсутствие невинности. «Очень много армян из диаспоры, уже пожилые мужчины приезжают сюда специально, чтобы жениться, и специально на молодых. Например, недавно... шестидесятилетний мужчина женился на двадцатилетней женщине, которая была в разводе, и у нее было двое детей. И они уехали в Америку» (женщина, 40 лет).

Одновременно подчеркивается, что женщины из Армении считаются более традиционными, лучше выполняющими роли жены и хозяйки. Они «становятся хорошими, в общепринятом смысле, женами. То есть хорошие хозяйки, преданные жены, преданные матери. Поэтому очень даже многие иностранцы... [хотя] жениться на армянках» (женщина, 40 лет).

17 Исследовательница выделяет четыре группы потребителей гименопластики, репрезентированных в интернет-пространстве в России: потребители, ориентированные на культурно и этнически маркированный традиционный сценарий «расставания» с невинностью в браке, работницы секс-индустрии, женщины, ориентированные на сексуальную игру, и женщины, пережившие сексуальное насилие. Здесь речь идет преимущественно о первой группе.

Медицина может помочь женщинам, но сами они не всегда готовы прибегать к манипулированию. Рассказывает информантка: «У меня был первый контакт с мужчиной, который просто мне помог отделаться от девственности». Позднее она захотела создать семью. «Мне самой предлагали зашить. Вот ребята, просто, чтобы хорошее для меня сделать — забесплатно хороший врач. Я... смотрела ошарашенная. И говорю: “Кого я буду обманывать?” Своего будущего мужа, своего будущего партнера или же Бога?» (женщина, 27 лет).

Медицина и рынок становятся теми институтами, которые вмешиваются в гендерный порядок и позволяют совладать с его нарушением. Девственность как культурный код не только артикулируется и приватизируется, но медиализируется и коммерциализируется. Однако и медицина не дает гарантий безопасности. Контроль сообщества может оказаться всепроникающим. В дискурсе циркулируют истории о том, как гинеколог пожалела девушку и сделала ей операцию, а вскоре сын привел ей свою невесту, которая и оказалась той девушкой. Свадьба не состоялась.

В таких условиях — «кто кого переиграет» — усиливаются взаимные подозрения и недоверие. Возникает все больший спрос на разные контролирующие стратегии. Считается, что многие девушки обманывают или могут обмануть женихов. «Каждая вторая [не девственница] говорит — меня изнасиловали... Могут не поверить и девственности... Все же знают, что есть эти операции» (женщина, 27 лет). Эту ситуацию комментирует информант-мужчина:

Раньше все-таки была какая-то относительная уверенность в том, что... если она не ославлена, значит, скорее всего, девственница. Процентом на девять она девственница. Сейчас — есть большая... опасность ошибиться... здорово наколоться. И поэтому парни очень нервничают по этому поводу. И для кого это важно — а для многих сейчас все это еще очень важно... они... не доверяют никому... они пытаются это проверить и перепроверить уже в сотый раз.... когда молодые люди собирались на них жениться, они наводили справки, они спрашивали соседей, им было очень важно, что эта девочка гуляет или не гуляет (мужчина, 42 года).

Информанты рассказывают о том, что молодые люди и их родственники собирают информацию об интересующей их девушке, расспрашивают соседей и знакомых, выясняют, были ли у нее ранее другие привязанности. Репутация девушки становится особо значимой, а сама девушка — уязвимой. Потенциально любая могла иметь сексуальные отношения и затем прибегнуть к обману. Как говорит одна информантка, «в Армении произошла не сексуальная революция, а только сексуальное извращение произошло [смеется]» (женщина, 32 года). В поддержке или разрушении репутации большое значение имеют слухи, сплетни, широкое обсуждение интимной информации, сбор мнений одноклассников, мальчиков-соседей, знакомых. «Это самая большая проблема. Не успеет встать с постели, бежит всем рассказывать. Это уже не вина женщины, а слабость мужчины» (мужчина,

38 лет). «Парни об этом говорят своим друзьям и это... выходит за... широкие круги общения. И уже девушку считают, что она нехорошая» (женщина, 19 лет).

Центральный культурный код гендерных отношений не только конституирует правильную женственность. Он принуждает и мужчин к определенному поведению. Мужское сообщество строго контролирует правила. Социальное давление заставляет отказываться от привязанностей, чувств и индивидуального выбора:

Это ломает парней. Вдруг узнает, что девушка, с которой он встречается, не девственница, он думает, что они любят друг друга, даже не сомневается. Приходят к парню, говорят: «Она не девственница, отходи от нее». И он уходит как последний кретин, хотя он любит ее. Очень много таких эпизодов я видел в моей жизни. Это кошмарно (мужчина, 21 год).

Другой информант также не одобряет «мужского поведения», для которого характерна оценка женщины как тела или товара:

С отвращением смотрю на мужчин, которые могут рассказывать свою интимную жизнь всем и каждому. Есть даже такие, которые способны ткнуть пальцем и сказать о девушке или женщине: «Я с ней был». Ненавижу, когда двое мужчин обсуждают свои сексуальные похождения. Для этих мужчин женщины как ценный улов, говорят, что они поставили цель и смогли добиться там какой-то женщины. Они не смотрят на женщину как на человека, как на себе подобного. Они смотрят на нее как на станок для получения удовольствий или на дорожную машину напрокат (мужчина, 46 лет).

Информанты рассказывают об оговорах, которые портили репутацию молодых женщин¹⁸. Поскольку норма размывается, а контроль ослабевает, девушки могут бывать в компании друзей-юношей, дружить с ними, вместе проводить время¹⁹. Но одновременно такое поведение может быть расценено как подозрительное, и оно потенциально опасно для репутации молодой женщины и ее семьи.

Сохранение девственности перестает быть незыблемой нормой не только в некоторых сегментах элиты и интеллигенции, но и за их пределами. Однако контроль над женщиной в момент вступления в брак сохраняет свое значение в качестве культурной традиции. Когда правила нарушены, предпринимаются попытки их тайного восстановления. Чем больше происходит нарушений, тем сильнее становятся подозрения в обмане и тем больше предпринимается усилий для проверки и контроля. Однако существуют стратегии, которые разрывают этот «замкнутой круг».

---

18 Такие стратегии характерны для многих традиционных культур. Так, историк Любовь Денисова пишет о сельских жительницах России 1920-х годов: «В условиях замкнутого деревенского пространства опорочить невесту, порой в корыстных целях, означало... бросить тень и на ее семью, и на ее репутацию» (Денисова 2007: 61).

19 В случае обручения молодые люди могут обрести некоторую свободу в общении, которая, однако, не должна включать сексуальных отношений.

ОТКАЗ ОТ СОХРАНЕНИЯ ДЕВСТВЕННОСТИ

В некоторых биографиях девушек младшей и средней возрастных групп добрачные сексуальные отношения являются сознательным выбором, мотивированным не только последующим браком, но и чувствами, симпатией, сексуальным влечением. Секс становится практикой удовольствия, а дефлорация — этапом сексуальной жизни. Считается, что добрачный сексуальный опыт допустим и даже необходим при поиске подходящего партнера и проверке сексуальной совместимости. Эти отношения обычно скрываются от окружающих, особенно от родителей, однако сами девушки оценивают их как нормальные, они не испытывают чувства вины и не считают такое поведение исключительным. Молодые женщины, которые имеют сексуальных партнеров, еще не готовы вступать в брак, заводить детей, они не вполне уверены в окончательности своего выбора. Для них становится нормальной практикой использование контрацепции и обсуждение сексуальной жизни с мужчиной. Они не стремятся скрывать свой предшествующий опыт.

Студентка двадцати лет повествует о сексуальных отношениях со вторым партнером, который уговаривает ее выйти замуж, но она пока еще не уверена в глубине своих чувств и окончательности выбора. Женщина тридцати лет, преподаватель вуза, рассказывает о сексуальных отношениях с будущим мужем до брака. О таких отношениях говорит и другая тридцатилетняя женщина, врач по образованию. В этих биографических историях не только женщины, но и мужчины считают проблему девственности незначимой. Как и интеллигенция советского времени, они обычно принадлежат к определенному кругу образованной элиты. «А вот интеллигентные, эта девушка... из интеллигентной семьи,... говорит, почему я должна дружить с такой дерёвней — [если] он узнает, что я не девственница, скажет, знаешь, прости-прощай. Нет, я буду дружить с таким парнем, который из моего круга, а мой круг принимает это» (женщина, 20 лет).

Либеральные практики сексуальности сходны с практиками современной российской молодежи, рассказы о жизни оформляются в романтические, коммуникативно-партнерские и гедонистические сценарии (Темкина 2008), которые, однако, в Армении имеют ограниченное распространение.

Молодые люди перестают наделять девственность особым значением, сексуальный дебют не связывается с браком, на смену ему приходит альтернативный сценарий (Яргомская 2002). Однако они сами ощущают свою нетипичность, эту нетипичность подчеркивают и окружающие. Рассказывает информантка:

У него [мужа] очень... нетрадиционные взгляды, то есть ему было все равно, я девственница или нет... если бы я это знала [!]... я была действительно очень удивлена, потому что нормальный армянский мужчина, и вдруг так думает... у него до этого была подруга, и она была не девственница, он жил с ней сексуальной жизнью, кстати, и он бы женился на ней, но у них возникли разногласия... То есть он готов был на ней жениться — это подтверждает то, что это не просто слова (женщина, 30 лет).

Те молодые мужчины, которые индифферентно относятся к проблеме девственности, тем не менее, принимают в расчет данное обстоятельство, определяя допустимую степень интимности в отношениях с женщинами с разным сексуальным статусом: «Лично у меня отношение не меняется — девственница или недевственница. Если [она] нравится, то еще лучше, что не девственница, тогда можно продолжать до конца. Если девственница, значит есть предел, который я не перейду, потому что это может в дальнейшем сказаться на ней» (мужчина, 20 лет).

Девственность, как и в предшествующих поколениях, обозначает границу допустимых сексуальных действий. Она регулирует поведение как женщин, так и мужчин.

ДИСКУССИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 2000-х в Армении контроль над женской сексуальностью постепенно начинает ослабевать, а его легитимность — оспариваться. Девственность и отношение к ней становятся предметом рефлексии, изменяются формы, степень и агенты контроля. Потеря девственности для женщин знаменует определенный поворотный пункт в биографии и изменении статуса во многих обществах, от крестьянских сообществ в Латинской Америке до элиты в Китае (Ortner 1978: 19). Симона де Бовуар пишет о потере невинности: этот переход «более драматичен, чем какой-либо иной» (де Бовуар 1997: 419). Однако значение перехода существенно различается (Андреева 1998) в зависимости от культурного и политического контекстов, социальной стратификации и иерархичности общества, гендерных отношений и прочих факторов (Ortner 1978; Ortner and Whitehead 1996).

Во многих обществах на этапе модернизации гендерных отношений происходит либерализация сексуальных практик (фиксируемых в массовых социологических опросах). Этот процесс называют сексуальной революцией (Кон 2002: 27–38). Изменяются культурные нормы, уменьшается гендерная асимметрия, радикальные изменения происходят в отношении к женской сексуальности. С точки зрения Игоря Кона, данная революция в первую очередь является женской, поскольку для женщины становится допустимым то, что ранее допускалось лишь для мужчин (Кон 2002: 27–29). Добрачный секс обретает легитимность, соответственно изменяется отношение к потере девственности.

В исследовании сексуальных дебютов в России Наталья Яргомская показала их трансформацию от брачных к альтернативным. Дебют, не ориентирующий на брак, связан с изменением сексуального статуса, с ценностями сексуального удовольствия, он осмысливается как закономерный этап жизненного пути. В ряде случаев девственность интерпретируется как антиценность, стигма, от которой нужно избавляться. Женщина «управляет дебютом», сознательно выбирая для него место, время, степень своей готовности, подходящего партнера и прочее (Яргомская 2002: 310–311; 2009). Культурный контекст этих изменений в России задан поведенческой (1960–70-х годов) и дискурсивной (1990-х годов) сексуальной революцией, изменениями гендерной культуры (2000-х), которые проявляются в воз-

растающей сексуальной активности женщин и их стремлении управлять своей сексуальной жизнью (Rotkirch 2000: 175–177; Темкина 2008).

Лора Карпентер, изучая интерпретацию потери девственности в США во второй половине XX века, показывает, что это событие может рассматриваться, во-первых, как дар партнеру, связанный с выражением любви и ожиданием ответной эмоциональной вовлеченности, во-вторых, как преодоление стигмы сексуальной неопытности, при которой девственность часто скрывается мужчинами и — иногда — женщинами, и в-третьих, как этап на пути процесса развития и обретения нового опыта, как позитивно оцениваемый переход от одного статуса к другому (Carpenter 2002; 2005). Как показывает Игорь Кон, в Европе и Америке первый половой акт не связан с подготовкой к браку, а является «выполнением некоего нормативного обязательства, вроде получения аттестата зрелости» (Кон 2001). Такое восприятие дебюта характерно для эгалитарного гендерного контекста в обществе, пережившем поведенческую и дискурсивную сексуальную революцию полвека назад. Напротив, например, в Таджикистане, где патриархальная парадигма в основном признается и разделяется всеми, добрачная девственность женщин считается незыблемой культурной нормой (Темкина 2008). Ольга Андреева в культурно-историческом исследовании девственности показывает, что при заключении брака по расчету в традиционных обществах девственность является своеобразным приданым, а в современных обществах, при сохранении гендерной асимметрии, она может быть приподнесена в «дар» мужу и выступать «предметом продажи» или быть данью стереотипам. В эгалитарном обществе потеря девственности становится сознательным свободным решением (Андреева 1998: 188, 192–193).

Армения является особым случаем советской гендерной модернизации, которая изменила положение женщины в публичной и лишь отчасти — в приватной сфере, при этом сохранялась гендерная и сексуальная патриархальная парадигма. Однако она утратила тотальный характер. Браки, в отличие от Центральной Азии, заключались в основном по выбору партнеров, смягчались различия ролей, в образованной среде допускались определенные отклонения от сексуальных норм. Но при этом, в отличие, например, от России, на добрачный секс накладывалось табу. Символические и практические границы контроля / свободы женщины маркировались ее невинностью.

В последнее десятилетие сексуальный дебют не всегда связан с браком. Потеря девственности становится стадией роста и этапом на пути обретения сексуального опыта или способом выражения чувств. Женщины начинают целенаправленно управлять своей сексуальной жизнью. При этом такие практики оцениваются ими как нетипичные для культурно-национального контекста, они характерны для наиболее образованных слоев и не афишируются за их пределами. В других случаях девственность становится даром для мужа или жениха — эксклюзивного партнера.

В парадигмальном варианте потеря девственности в первую брачную ночь часто связана с физической и эмоциональной травмой, описывается как тяжелое испытание для женщины. Вместе с тем это необходимое событие на пути измене-

ния брачно-сексуального статуса, нормализации гендерной биографии и положения женщины в сообществе. Потеря девственности в брачную ночь — это своего рода дар старшему поколению (свекрови и своим родителям) и сообществу. Символическая (или физиологическая) дефлорация позволяет в случае похищения невесты обойти запрет родителей и избежать общественных санкций. Сохранение добрачной девственности поддерживает структуру, ограничивающую сексуальные действия как женщин, так и мужчин. И те и другие просчитывают возможные стратегии и их последствия, считая более рациональным придерживаться данного правила. Оно гарантирует безопасность — и в этом заключается суть «патриархальной сделки» (Kandiyoti 1988: 275, 286). Сохранение девственности снижает степень «добрачной» зависимости женщины от мужчины / сексуального партнера и его доброй воли. У нее остается возможность самостоятельно выбора и смены партнера / жениха.

Парадокс патриархата заключается в том, что независимость слабого агента (молодой женщины в данном случае) и определенная способность управлять своей жизнью связаны с неукоснительным соблюдением правил «патриархальной сделки». Эти правила ограничивают действия мужчины, предупреждая его от оказания давления на незамужнюю женщину / невесту и сексуального принуждения, а также от нежелательных для себя последствий, принудительного брака и тому подобного. Однако «сделка» также делает и мужчину, и — в большей степени — женщину уязвимыми в отношении социального контроля, сужая пространство для партнерства и переговоров. Отклонение от такого сценария стигматизирует женщину, и одновременно стимулирует скрытые стратегии управления обстоятельствами при помощи рыночных и медицинских институтов. Утраченная девственность может быть восстановлена, тем самым женщина возвращает себе не только репутацию, но и независимость и возможность маневрировать, выбирая мужа. Однако, если девственность «обратима», то исчезает основание для базового доверия со стороны сообщества. Поэтому, с одной стороны, усиливаются контроль и санкции за нарушением правил, а с другой — участники взаимодействий ограничиваются лишь символическим подтверждением правил, независимо от их практического выполнения.

В постсоветский период парадигмальный сценарий обретает очевидные черты «кризисной» фазы. Меняются гендерные роли, идентичности, интерпретация женской сексуальности, практики использования контрацепции, оргазма, регулирования деторождения и так далее. Изменяется гендерный порядок в целом, в котором отношение к девственности остается центральным культурным кодом. Именно через этот код проявляются гендерные «аномалии», которые свидетельствуют о кризисной фазе парадигмы. Кризисная фаза патриархальной парадигмы означает то, что контроль сообщества может значительно усилиться, а гименопластика — получать все большее распространение.

Добрачная девственность медиализируется (медицина все более вмешивается в нормализацию женской биографии), морализуется (девственность в публичных и частных дискурсах рассматривается как важнейший компонент национальной традиции, связанной с ролью семьи и женщины в культуре), поли-

тизируется (некоммерческие организации включаются в дискуссию, предлагая, например, использовать «красное яблоко только для еды»).

Надпись: «Приглашаем Вас на похороны красного яблока, которое состоится 8 марта в 15 часов» (2009 год).

На уровне повседневности в этой ситуации утрата девственности постепенно становится делом пары, а «красное яблоко» — культурным символом, сходным по значению с фатой в России, утратившей связь с невинностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева, Ольга. 1998. Нравственна ли девственность? // *Потолок пола* / Сост. Татьяна Барчунова. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета: 183–193.
- Бабаян, Софья. 1999. Гендерное состояние трансформирующегося общества // *Женщина и общество. Гендерное равноправие в перспективе демократического развития. Материалы 3-й международной конференции*. Армения: 111–116.
- Голод, С.И. 1998. *Семья и брак: историко-социологический анализ*. СПб.: Петрополис.
- де Бовуар, Симона. 1997. *Второй пол*. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя.
- Денисова, Л.Н. 2007. *Судьба русской крестьянки в XX веке. Брак. Семья. Быт*. М.: Памятники исторической мысли, РОССПЭН.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2007. Патриархат и «женская власть» // *Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб: ЕУСПб. Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 12: 68–95.
- Здравомыслова, Елена. 2002. Сексуальное насилие: реконструкция женского опыта эссе // *В поисках сексуальности. Сборник статей* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин: 316–338.
- Карапетян, Э.Т. 1958. *Армянская семейная община*. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.
- Карапетян, Э.Т. и Ю.В. Арутюнян. 1986. *Население Еревана: этносоциологическое исследование*. Ереван: Академия наук Армянской ССР. Институт археологии и этнографии.
- Коллинз, Рэндалл. 2000. Введение в неочевидную социологию // *Антология гендерной теории* / Сост. Елена Гапова, Альмира Усманова. Минск: ПроPILEя, 2000: 114–140.
- Кон, Игорь. 2001. *Подростковая сексуальность на пороге XX века*. Дубна: Феникс.
- Кон, Игорь. 2002. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // *В поисках сексуальности. Сборник статей* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин: 24–47.
- Кон, Игорь. 2005. *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. 2-е изд. М.: Айрис-пресс.
- Кун, Томас. 1977. *Структура научных революций*. М.: Прогресс.
- Лурье, С.В. 1997. *Историческая этнология*. М.: Аспект-Пресс.

- Мхитарян, Армине 1999. Гендерные отношения и лидерство в армянской семье // *Женщины в развитии. Гендерные проблемы современного общества по результатам социологического опроса*. Ереван: Ассоциация женщин с университетским образованием; Центр гендерных исследований: 251–266.
- Мхитарян, Армине. 2006. Гендерный дискурс успешности в современной Армении // *Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана* / Под ред. Ирины Тартаковской. М.: ООО «Вариант»; ИСПГ: 322–344.
- Омельченко, Елена. 2004. Размытое начало: гомодебют в контексте сексуального сценария // *Интер* 2–3: 74–87.
- Паперно, Ирина. 1996. *Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма*. М.: НЛО.
- Пушкарева, Н.Л. 1997. *Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. X — начало XIX в.* М.: Ладомир.
- Страус, Ансельм и Джульет Корбин. 2001. *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: Эдиториал УРСС.
- Тартаковская, Ирина. 2006. Введение: Постсоветский гендерный порядок в Центральной Азии и Южном Кавказе: неопатриархат или возрождение национальной идентичности? // *Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана* / Под ред. Ирины Тартаковской. М.: ООО «Вариант»; ИСПГ: 5–21.
- Темкина, Анна. 2008. *Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой*. СПб: Издательство ЕУСПб.
- Тер-Саркисянц, Алла. 1972. *Современная семья у армян. По материалам сельских районов Армянской ССР*. М.: Наука.
- Тер-Саркисянц, Алла. 1998. *Армяне: история и этнокультурные традиции*. М.: Восточная литература.
- Шахназарян, Нона, и Эльза-Баир Гучинова. 2001. Гендерные стереотипы армян Арцаха // *Entaniqi hetazotman himnakhdirnere. Hanrapetakan gitazhoghovi niuter nvirvatz Emma Karapetiani hishatakin*. Erevan: Akunq: 81–87. [Проблемы исследования семьи. Материалы республиканской научной сессии, посвященной памяти Эммы Карапетян].
- Шахназарян, Нона. 2003. Язык как маркер отношений господства и подчинения: гендерный аспект // *Антропология, меньшинства, мультикультурализм. Бюллетень* 4: 84–96.
- Шахназарян, Нона. 2005. *Гендерные проблемы в современном Нагорном Карабахе*. Рукопись кандидатской диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М.: Институт этнографии и антропологии РАН.
- Юваль-Дейвис, Нира. 2001. *Гендер и нация*. Рига: Elra.
- Яргомская, Наталья. 2002. Сценарии сексуального дебюта женщин: переход от традиционной к альтернативной модели // *В поисках сексуальности. Сборник статей* / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин: 287–315.
- Яргомская, Наталья. 2009. Трансформация сценария женского сексуального дебюта: «прощание с невинностью» и гименопластика // *Новый быт: гендерные исследования повседневности* / Под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх, Анны Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУСПб: 289–312.
- Carpenter, Laura M. 2002. Gender and the Meaning and Experience of Virginity Loss in the Contemporary United States // *Gender and Society* 16(3): 345–365.
- Carpenter, Laura M. 2005. *Virginity Lost: An Intimate Portrait of First Sexual Experiences*. New York: New York University Press.
- Dudwick, Nora. 1997. Out of the Kitchen, Into the Crossfire: Women in Independent Armenia // Mary Buckley (ed.) *Post-Soviet Women: from Central Asia to the Baltic*. Cambridge; New York: Cambridge University Press: 235–249.

- Flick, Uwe. 2002. *An Introduction to Qualitative Research*. London; Thousand Oaks/California: Sage.
- Ghazaryan, Aida. 2004. *Reproductive Rights and Health in Armenia: Key Challenges*. Yerevan. www.policy.hu/ghazaryan/Research%20Paper%20final%202004.doc. Accessed January 15, 2010.
- Janeway, Elizabeth. 1980. Who is Sylvia? On the Loss of Sexual Paradigms // *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 5: 573–589.
- Kandiyoti, Deniz. 1988. Bargaining with Patriarchy // *Gender and Society* 2(3): 274–290.
- Khachikyan, Mary. 2000. Gender Issues in Family Planning and Reproductive Health // *Exploring Gender Issues in the Caucasus*, Yerevan: Civic Education Project.
- Matossian, Mary Kilbourne. 1962. *The Impact of Soviet Policies in Armenia*. Leiden: E.J. Brill.
- Ortner, Sherry, and Whitehead, Harriet (eds.) 1996. *Sexual Meanings: The Cultural Construction of Gender and Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ortner, Sherry. 1978. The Virgin and the State // *Feminist Studies* 4(3): 19–38.
- Rotkirch, Anna. 2000. *The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia*. Helsinki: Department of Social Policy, University of Helsinki. Research report, 1/2000.
- Therborn, Göran. 2004. *Between Sex and Power. Family in the World, 1900–2000*. London; New York: Routledge.
- UNDP. 1999. *Women Status Report: Impact of Transition*. www.undp.am/docs/publications/publicationsarchive/wsr/index.htm. Accessed January 15, 2010.
- Werner, Cynthia. 2004. Women, Marriage and the Nation-State: The Rise of Nonconsensual Bride Kidnapping in Post-Soviet Kazakhstan // P.J. Luong (ed.) *The Transformation of Central Asia. States and Societies from Soviet Rule to Independence*. Ithaca; London: Cornell University Press: 59–92.